

²³ О стремлении к творческой независимости от Пушкина Баратынский писал в предисловии к поэме «Эда»: «...следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новой, собственной дорогою» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 16).

²⁴ Так назвал Баратынского Пушкин в романе «Евгений Онегин».

²⁵ О заграничном путешествии Баратынских писал Гофман: *Гофман М. Л.* Е. А. Баратынский. С. LXXXVII.

²⁶ В машинописи пропущено слово «влажный». Строки из стихотворения Баратынского «Пироскаф»: «С детства влекла меня сердца тревога / В область свободную влажного бога» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 170).

²⁷ Из стихотворения «Пироскаф».

²⁸ Из письма Баратынского Н. В. Путяте, отправленного из Италии в апреле–мае 1844 года (Русский архив. 1867. Кн. 2. С. 294). В машинописи пропущено слово «вегетативную».

²⁹ Итальянец Джьячинто Боргезе был воспитателем Баратынского с 1805 до 1810 года. Исходя из упоминаний о Дж. Боргезе в письмах поэта, Баратынский сохранил дружеское расположение к своему «ментору» и впоследствии.

³⁰ Баратынский умер в Неаполе 11 июля (29 июня) 1844 года. По словам Н. В. Путяты, сердце поэта не выдержало волнений, связанных с внезапной болезнью жены — так об этом писал М. Л. Гофман в очерке о поэте (см.: *Гофман М. Л.* Е. А. Баратынский. С. XC).

³¹ Всего Баратынский написал шесть поэм: «Пиры» (1821), «Эда» (1825), «Телема и Макар» (1827), «Бал» (1828), «Переселенье душ» (1829) и «Цыганка» (1831).

³² Из стихотворения «Благословен святое возвестивший!..».

³³ Неточная цитата из поэмы «Бал».

³⁴ Стремление уйти от поэзии к заботам о хозяйстве поэтически выразилось в стихотворении «На посев леса». Видимо, о нем и размышлял Соловьев.

³⁵ Из стихотворения «На посев леса».

³⁶ Имеется в виду стихотворение «Небо Италии, небо Торквата...».

³⁷ Неточная цитата из стихотворения «Буря».

³⁸ Из письма Баратынского Путятам (апрель–май 1844 года): «В три дня, как на крыльях, перенеслись мы из сложной общественной жизни Европы в роскошно-вегетативную жизнь Италии» (Русский архив. 1867. Кн. 2. С. 294).

³⁹ Из стихотворения «Дядьке-итальянцу».

⁴⁰ В. Г. Белинский ценил художественное мастерство Баратынского, но философия поэта оказалась чуждой критику. Наиболее остро неприятие критиком идей Баратынского выразилось в отзыве на «Сумерки», см.: *Белинский В. Г.* Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Москва, 1842. Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва. 1835 // Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 12. С. 49–70.

⁴¹ Из стихотворения «Скульптор».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-208-223

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ЕГО «ИСТОРИЧЕСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ» (ИВАН ЛУКАШ — КРИТИК РОМАНА «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ»)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ)

В современной исследовательской литературе редки случаи репрезентации ранее неизвестных высказываний современников, посвященных творчеству А. М. Ремизова. Такой затерянной на страницах периодики русского зарубежья оказалась статья беллетриста и критика Ивана Лукаша «Мышиная Россия. О книге А. М. Ремизова „Взвихренная Русь“», появившаяся в рижской газете «Слово» 10 сентября 1927 года. Обнаружением факта этой публикации ремизоведение обязано литературоведу-библиографу Ю. И. Абызову, составившему роспись труднодоступного периодического издания,¹ и профессору Л. Спроге, которая в статье «Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А. М. Реми-

¹ Газета «Слово» 1925–1929: Роспись / Сост. Ю. Абызов. Рига, 2003.

зов в русских изданиях Риги (1922–1940 гг.)» привела обширную цитату из рецензии Лукаша, объединив это печатное выступление журналиста с другими неизвестными откликами, вкуче образовавшими в русскоязычной печати латышской столицы вектор негативного восприятия ремизовской прозы и ее мифологических аспектов.²

Новый роман Ремизова по характеру структурно-композиционного решения стал единственным в своем роде художественно-документальным произведением постреволюционного времени, в котором сквозь призму авторского сознания была представлена хроника двух революций и первых лет советской власти.³ В контексте эмиграции издание такой книги не могло не вызвать отклика в душах соотечественников, для которых историческое содержание романа являлось такой же частью их личной биографии, как и для самого автора. В этом смысле критики, встретившие «Взвихренную Русь» в 1927 году, являются не только профессиональными литераторами, воспринимавшими новое произведение в системе эстетических критериев своего времени, но и «историческими» читателями, рецепция которых наиболее аутентично отражает взгляд на запечатленную писателем-летописцем историю страны и судьбу человека.⁴

Статья «Мышиная Россия» — колоритный документ критической рецепции, обстоятельства создания которого проясняют материалы личного архива Ремизова. Сближение с представителем младшего поколения литераторов Иваном Созонтовичем Лукашем (1892–1940), уроженцем Петербурга, начавшим свой литературный путь в радиусе творческих исканий петроградских эгофутуристов,⁵ произошло только в эмиграции,⁶ когда Ремизов уже жил в Париже. Интенсивный обмен письмами между ними установился в октябре 1925 года в связи с началом издания в Риге ежедневной русской газеты «Слово», в которой Лукаш занял место редактора литературного отдела.⁷ Отвечая на приглашение к сотрудничеству, Ремизов, по всей вероятности,

² *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А. М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1940 гг.) // *Slavica* — 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga, 2015. С. 49–61 (*Rusistica Latviensis* 5).

³ Роман был выпущен в формате книги в конце декабря 1926 года издательством С. В. Рахманинова «ТАИР», названным по именам дочерей композитора — Татьяны и Ирины, которые занимались фактическим руководством «книжным делом», финансируемым их отцом. Подробнее о подготовке книги к печати см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // *Литературный факт.* 2020. № 4 (18). С. 15–18.

⁴ Обращение к понятию «исторического» читателя, подразумевающему широкий контингент реципиентов-современников (включающий узкопрофессиональный круг литературных критиков), исторический и культурный опыт которых соотносим с жизненным и творческим горизонтом того или иного писателя, — подсказано нам исследовательской практикой историко-литературного комментирования Р. Д. Тименчика, в частности, представленной в его книге «Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века» (М.; Иерусалим, 2017).

⁵ См. о нем статью А. В. Чанцева (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М. С. 401–403). Биографические сведения на момент февраля 1916 года, раскрывающие журналистскую деятельность Лукаша, см. в его письме А. А. Измайлову (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 183).

⁶ Знакомство писателей, очевидно, состоялось в Берлине в 1922 году, когда Лукаш и Ремизов входили в творческое объединение «Веретено». В частности, о привлечении Ремизова к сотрудничеству в журналах «Сполохи» и «Веретёныш», издаваемых литераторами «Веретена», см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // *Литературный факт.* 2018. № 7. С. 31–33; автобиографические материалы, освещающие революционные годы в России и начало 1920-х годов в эмиграции, см.: *Серков А. И.* Массонская ложа Великий Свет Севера и русские писатели (1922–1933 гг.); <http://memphis-misraim.ru/library/articles/masonskaya-lozha-velikiisvet-severa-i-russkie-pisateli/>; дата обращения: 06.04.2021. Значительный биографический материал о жизни Лукаша в 1925–1927 годах содержится в статье и публикации писем писателя, адресованных П. Б. Струве: *Равдин Б.* Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.) // *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan* / Eds. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin, 2018. С. 83–104.

⁷ Другим редактором газеты стал в 1925 году Н. Бережанский (наст. имя и фам. Н. Г. Козырев; 1984–1935), выступавший в берлинской и рижской печати с критикой ремизовской «обезьяней темы» и как оппонент писателя в вопросах использования фольклорных источников. См.: *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ. С. 55–57.

упомянул о гарантиях, обеспечивающих ему независимость от идеологических целей редакционной политики.⁸ В частности, подобные опасения, касающиеся «политизации» литературы, могла вызвать у него программная статья парижской газеты «Возрождение», учрежденной в июне 1925 года, в которой П. Б. Струве сформулировал направление нового печатного органа: «Мы начинаем наше издание в трудный и ответственный момент и вполне отдаем себе отчет в этом. Россия, как национальное государство, пережила и изживает сейчас величайшую в ее истории катастрофу. <...> В сущности, перед нами — двуединая задача. Необходимо *освободить* родину от коммунистического ига. *Разом и навсегда*».⁹ Лукаш в стремлении развеять сомнения писателя, характеризуя цели нового рижского издания, был вынужден пуститься в заверения, не скупясь на обещания:

«Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

можете быть совершенно покойны, что „Слово“ не будет „Возрождением“.

Она строится по типу т<ак> наз<ываемых> больших, либеральных, беспартийных газет.¹⁰

Дело — громадное, прошу мне поверить. К политике Вы никакого касательства иметь не будете, разумеется. Но имя Ваше — должно украсить наш литературный отдел.

Если дадите читабельную, газетную повесть, — мы *выпустим ее отдельным художественным изданием*,¹¹ конечно, если условия будут приемлемыми.

Для первого № „Слова“ — просим Вашу вещицу. Причем необходима Ваша фотография, надпись и кусочек рукописи для клише <...>».¹²

На протяжении 1925–1926 годов между корреспондентами установились теплые отношения, и Лукаш уже передавал приветы от своих домочадцев, мечтая о встрече в Париже, куда планировал перебраться, оставив относительно благополучную жизнь в Прибалтике ради литературной карьеры и, как он писал Струве, чтобы принять участие в «борьбе за национальное освобождение» в центре русского зарубежного мира.¹³ По своим политическим убеждениям Лукаш, как участник белого движения, вступивший в Добровольческую армию летом 1918 года, наиболее подходил редакции «Возрождения». Предложение к сотрудничеству пришло к нему в персональном письме Струве еще накануне запуска первого номера газеты в тираж, не позднее 16 мая 1925 года.¹⁴ Только в конце апреля 1927-го рижанин смог перебраться в парижское предместье Бельвю. Как мы скоро убедимся, в ходе написания статьи о романе «Взвихренная Русь» молодой журналист-писатель надеялся на свой дебют в газете Струве в качестве литературного критика, разделяющего идеологическое направление редакции. Именно эта политическая ориентация, на наш взгляд, подготовила акценты его суждений, которые отчасти должны были войти в противоречие с уже прозвучавшими в печати высокими

⁸ В частности, о столкновении с политическими взглядами парижских редакций см.: *Обатнина Е. Р.* Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // *Русская литература*. 2020. № 3. С. 208–217.

⁹ Цит. по: *Кудрявцев В. Б.* Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать. М., 2011. Ч. 1. С. 157. См. также: *Кутаренкова Т. С.* П. Б. Струве — редактор газеты «Возрождение» // *Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2011. № 6 (68). С. 76–85.

¹⁰ Ср. анонс будущего издания, рассылаемый Лукашом потенциальным авторам: *Равдин Б.* Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой. С. 87–88.

¹¹ Подчеркнуто рукой Лукаша.

¹² Amherst College Center for Russian Culture. Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее — Amherst). Series 1. Box 4. Folder 12.

¹³ Ср. письмо Ремизову от 26 мая 1926 года, по тону которого можно судить о смене официального уровня общения на доверительный: «Хороший, как я хочу удрать в Париж, писать, но чем, ради Бога, чем жить. Как здоровье Серафимы Павловны? Ваши Шурка и Иван Лукаш» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a).

¹⁴ См.: *Равдин Б.* Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой. С. 83–84.

оценками произведения, и прежде всего, со статьей Н. К. Кульмана, опубликованной на страницах «Возрождения» летом.¹⁵ Критик и профессиональный филолог не только в личном письме, адресованном писателю, выразил свое мнение о значении книги как об «одном из замечательных явлений в русской литературе», но и стал первым из «исторических» читателей, кто назвал новое произведение Ремизова «эпопеей», тем самым признав масштабность и историческую ценность ремизовского повествования.

Для Ремизова издание «Взвихренной Руси» представляло собой творческий итог исторического периода, осмысление которого для него, как и для соотечественников, связывалось с отождествлением личной судьбы с судьбой национальной общности. Роман, опубликованный спустя 10 лет после октябрьского переворота, сохранил предельное самораскрытие авторской личности и опыт создания нового дискурсивного пространства, где фактическое (дневник), ирреальное (сны) и мифологическое (локус Обезвельволпала) стали реалиями творческой жизни, неотделимой от жизни бытовой.

К лету 1927 года роман Ремизова был отмечен в пяти отзывах «профессиональных» читателей (Ю. Айхенвальда, К. Мочульского, Мих. Осоргина, Н. Кульмана, М. Гофмана),¹⁶ которые, по преимуществу, оценили книгу как выдающееся произведение современной прозы,¹⁷ однако внимание к ней быстро угасало. Ремизов не был удовлетворен ни рекламой, ни критикой, считая, что роман намеренно «замалчивается»¹⁸ и, соответственно, ограничен в продаже тиража.¹⁹ Несомненно, Лукаш был одним из тех, на кого он возлагал надежды как на потенциального автора очередной рецензии. Тем не менее сохранившиеся в архиве Ремизова письма, относящиеся, по всей вероятности, к августу, подтверждают, что молодой писатель, получивший от Ремизова «задание» по распространению информации о романе в доступных органах печати, самостоятельно взял на себя инициативу отзыва на книгу и для доработки черновой рукописи попросил прислать экземпляр книги на 3–4 дня.²⁰ Статья вскоре была закончена, но результаты критического прочтения «Взвихренной Руси» настолько шли вразрез с уже высказанными в печати оценками, что перед публикацией Лукаш решил обсудить их непосредственно в переписке с автором:

«2 сентября 1927, Бельвю»

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, мысли сходятся. Как раз в день получения Вашего письма — я решил послать Вам на просмотр мою статью о Вашей замечательной, но зловещей для меня книге.

¹⁵ Кульман Н. Новая эпопея (<Рец. на:> Алексей Ремизов. «Взвихренная Русь». Изд. Таир. Париж, 1927) // Возрождение. 1927. 21 июля. № 779. С. 5. Полную публикацию текста письма Кульмана см.: Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией (Избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 260–261.

¹⁶ См. библиографию критических отзывов 1927 года: А. М. Ремизов: Библиография (1902–2020) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко // <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiay/pages/PartII/1927.html>; дата обращения: 29.07.2021.

¹⁷ См. также об «обратной» рецепции Ремизова на статьи Ю. И. Айхенвальда и М. Л. Гофмана, посвященные выходу в свет «Взвихренной Руси»: Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией. С. 257–259.

¹⁸ Ср. письмо Ремизова П. П. Сувчинскому с просьбой о публикации в журнале «Версты»: «Нельзя сделать объявление о выходе „Взвихр<енной> Руси“: книга бойкотируется и под запретом: в Последн<их> Новост<ях> Демидов, слушая З<инаиду> Н<иколаевну> Гиппиус; в Возрождении Ходосевич <sic!>. Потому и прошу» (Bibliothèque nationale de France. № 39609744; письмо от 26 июня 1927 года).

¹⁹ Ср. письмо М. А. Осоргина, который высказал свое мнение о перспективах книги на парижском книжном рынке: «Мне говорили в магазине (в Роднике), что после Вашей „Оли“, которая идет хорошо, стали раскупать и „Взвихр<енную> Русь“. Но не забудьте, что новое правопписание отнимает до 25% обычных покупателей. А главное — то, что Ремизов не по зубам эмигрантскому читателю» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 12; письмо от 29 июля 1927 года).

²⁰ Ibid. Письмо не датировано.

Тут мою статью — прилагаю. Я написал ее давно, думал над нею и решил, что не могу ее публиковать. Поймут не так. Подумают — вот как он набросился на Ремизова. Опасаюсь, что и у Вас может сложиться такое впечатление.

А между тем — это мое глубокое и честное размышление о *внутреннем* образе Вашей книги, и Вас как редчайшем русском мыслителе.

Я назвал статью Гнилой Вьюгой и думаю, что самое изумительное и проникновенное в Вашей Асычьей книге <—> это внутренняя правда о вихре Руси, — которая в том, — что весь этот вихрь только мышинный визг и гнилой ветер над страной теплокровных. Но публиковать статьи, в опасениях, что не поймут меня, что и Вас могло бы даже обидеть мое литературное суждение (верное и честное) — я, без согласия и без замечаний Ваших, — не решаюсь.

А потому, посылая Вам статью, прошу отзыва Вашего — после которого затащу Вам и „Взвихренную Русь“. Сердечный наш привет.

С глубоким уважением,

Иван Лукаш

P. S. Статью прошу мне вернуть. Если думаете, что можно печатать, то, по-моему, в „Возрождении“ больше читателей.

P. S. Письмо Ваше — посылаю в Ригу. В декабре „Перезвоны“ посвящ<аются> „Пожару Москвы“, — дайте им, пожалуйста.²¹

Доподлинная реакция Ремизова на критику Лукаша обнаружилась в письме писателя его жене — Серафиме Павловне 3 сентября 1927 года. Упомянув о рецензии Лукаша, он был довольно откровенно раздражен критическими аргументами, которые, возможно, предварительно обсуждались в личном разговоре с молодым литератором, состоявшемся при возвращении книги: «Писал письма: ответил Лукашу (ну, и дурак!) — это заняло очень много времени, п<отому> ч<то> дурак. Но одного не мог объяснить ему: „В<звихренная> Русь» — фальшивое заглавие: «взвихрять» выдуманный глагол“. Я мог только ответить, что все русские понимают. И целый ряд мест в его рецензии зачеркнул крас<ым> каранда<шом>, как фактическую неправду. Я еще никогда в жизни такой глупости не читал, Унковский — (кажется) мастером».²²

Интерпретация критика не могла не вызвать досады писателя, поскольку, предвосхищая подобные суждения его читателей, он раскрыл на страницах романа тождество своего «Я» с мироощущением обыкновенного человека, захваченного в воронку революционного смерча: «...свидетельство мое о всеобщем восстании в величайший год русской жизни есть свидетельство так приспособившегося к жизни, а иначе и невозможно, что как раз самое кипучее — события великих дней оказались закрыты для глаз, и осталось одно — дуновение, отсвет, который выражается в снах, да случайно западавшее слово в неоглушенное шумом ухо, да обрывки события, подсмотренного глазом, для которого ничего не примелькалось».

И суд мой есть суд тоже человека, только забившегося в нору, для непрестанной духовной работы, с сердцем — почему не сказать? — птицы, вздрагивающем при каждом уличном стуке и стучащем ответно со стуком сердца всей страды мира».²³

Концентрация внимания критика на главном символическом концепте ремизовской книги — «вихре» и снижение его до метафоры «гнилой ветер» в контексте творческой биографии Ремизова коррелирует с ситуацией идеологического столкновения, тяжело пережитого писателем в 1918 году. Тогда известный историк литературы Иванов-Разумник, в начале 1910-х годов выведший его имя в разряд передовых писателей современности, выступил на страницах печати главным оппонентом в вопросе о преобразовательной силе революционного процесса, символически ассоциированном со

²¹ Ibid.

²² Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 99.

²³ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 81–82.

стихией «вихря», опубликовав во второй книге альманаха «Скифы» ремизовское «Слово о гибели Русской земли» в сопровождении собственной статьи «Две России», изобличавшей в Ремизове реакционера, глубоко враждебного идее революции.²⁴

Иванов-Разумник и Лукаш — два «исторических» читателя — расценивали произведения писателя с позиций своего политического и исторического опыта; старший — поэму «Слово о гибели русской земли» и близкую к ней тематически поэму «Огневица», которые в композиции романа «Взвихренная Русь» являются кульминационными «событиями» авторского осмысления исторической действительности; младший — роман в целом. И хотя Лукаш, в отличие от предшественника, никогда не был вдохновлен идеей революционного обновления, ремизовскую позицию негероического человека он характеризовал, прибегая к образу обывателя, сходному с «всесветным Мещанином» — антигероем, сознание которого приписывалось Ремизову идеологом «скифства».²⁵ Лукаш в силу собственных политических убеждений и обстоятельств личной судьбы, уже в 1918 году перебросившей его из Петрограда в Киев, по всей вероятности, не имел представлений о литературно-политической ситуации, сложившейся вокруг ремизовского «Слова» в 1918 году. В частности, поэтому недоступным для него символическим языком была написана и «Огневица», показавшая критику лишь сумятицей невнятных ницшеанских мотивов. Таким образом, размышляя над ремизовской Россией, младший «исторический» читатель не заметил в романе ни слоя противостояния революционному максимализму выразителей «скифской» идеи революционного «вихря», не смог он воспринять и функциональной роли темы Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, которая актуализировала ценность духовных связей творческих людей, переживающих время исторического слома. Ремизов, очевидно, даже не считал необходимым раскрыть своему молодому оппоненту подтексты и идею романа, который, вобрав в себя автобиографические сюжеты, стал манифестацией веры в неиссякаемую духовную силу, накопленную национальной культурой.

Лукаш, как следовало ожидать, получив авторскую редакцию рецензии, в следующем письме изобразил раскаянье в неточности высказанных критических интерпретаций, однако мысли своей не изменил: роман в его личном восприятии так и остался лишь хроникой выживания беспомощного человека и явно не соответствовал масштабу катастрофы, ассоциированной со стихией вихря. Пытаясь мотивировать свою критику, он отвечал:

«Хороший Алексей Михайлович,

теперь я понял, в чем дело; я испугался Вашей книги, потому и завертел не в ту сторону. Я переработал мой отзыв: теперь он достоин Вас. Теперь основа его не в том, что Вы „хитрец“, а в том, что Вы — открыли в вихре — Мышиную Россию. Под таким заголовком и даю его в „Слове“. Конечно, все Ваши замечания — приняты мною. Изменен тон — у меня, действительно, была мучительная подозрительность, и даже грубость.

Теперь я скажу то, что хотел сказать о Вашей книге и о Вас — без плоских чувствований. Вы мне еще дороже и ближе стали после нашей переписки. Я думаю, что никто так не любит Вас по-настоящему, как я.

Ваш сердечно,

Иван Лукаш».²⁶

²⁴ Иванов-Разумник Р. В. Две России // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 201–231.

²⁵ Тема неспособных к полету в вихре революции — «бескрылых», ассоциируемая с образом «всесветного Мещанина», возникает в написанной Ивановым-Разумником в июне 1917 года второй части «скифского» манифеста, опубликованной в первом сборнике «Скифы» (Пг., 1917) в составе программной статьи («Вместо предисловия»).

²⁶ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 12. Датируется 6 сентября 1927 года по письму Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло, в котором сообщалось: «Только от Лукаша письмо, что он исправил свою статью по моим замечаниям» (Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927. С. 102).

Статья появилась через четыре дня — в субботнем выпуске рижского «Слова», вопреки первоначальным надеждам Лукаша на публикацию в «Возрождении».²⁷ В ней сохранились без изменений такие негативно окрашенные эпитеты и определения, как «гнилой ветер над страной теплокровных» и Ремизов — «хитрец», поначалу смущавшие и самого автора рецензии.

В истории рецепции романа «Взвихренная Русь» статья Ивана Лукаша останется исключительным случаем отклика «исторического» читателя, который не только не принял ремизовский образ России, не только поставил под сомнение художественную целесообразность авторской поэтики и мифологии, но и создал отягощенный негативными коннотациями литературный портрет писателя. Ремизов здесь был тщательно выписан как литературный уникум — редкий по природной уродливости «кунсткамерный человек русской литературы», темный в помыслах, сравнимых разве что с «философией» Свидригайлова, насквозь поддельный в своих откровениях, наполненных культурными эрзацами, — от лексикона гимназиста до «заплачек о России» и «полупризнаний в стиле Нитцше». Ремизов, охарактеризованный Лукашем, — это выразитель мировоззрения «мышиноного» народа, «мышиною» России, в годы исторического смерча обеспокоенный лишь тем, как бы раздобыть «крупок». Вся эта тенденциозная интерпретация писателя и его затаенного «мирка» восходит к довольно ехидной юмореске, появившейся в берлинском журнале «Веретёныш», в котором сотрудничал и Лукаш. Под шаржем Вл. Белкина, представившим Ремизова в прямом сходстве с обезьяной, было размещено сатирическое пояснение, соотносившее писателя отнюдь не с близким эволюционным «родственником», а с другим, менее развитым представителем животного мира: «Человека и не видать, а только пыль мохнатенькая и паутина. И в паутине мышонок — но что-то возится и пискает. Однако же у мышкы круглая плешка на макушке видна, и круглые очки как у старенького книгожы, торгующего антикварным товаром под башней Сухаревой».²⁸

Словесный портрет неизвестного шутника отчетливо перекликается с пассажами статьи Лукаша 1927 года, где петроградская реальность 1917–1921 годов ассоциирована с мышиною возней и озвучена «визгом из щелей». В своем прочтении романа критик силился присвоить Ремизову собственную мысль о России, выродившейся в «мышинный» народ. Именно поэтому, с его точки зрения, едва ли не единственной одобрительной оценки в романе заслуживает глава «Петербург — Петрова память», собравшая рассказы о начинаниях Петра I. Прошлое Российской империи, достойное эпических форм изображения, стало магистральной темой беллетристики Лукаша-писателя. В предисловии к сборнику «Сны Петра» (1933) он раскрыл мотивацию личного обращения к рассказам из петровской эпохи: «...подбирая для сборника рассказы, написанные мною в разное время, мне показалось, что в них есть одна мысль, за которой я следовал несколько лет: мысль о том, что мое отечество было обречено на ту его судьбу, которая раскрылась на глазах нашего поколения».²⁹

Характерно, что в те же годы Лукаш создаст художественную контроверзу ремизовской «Взвихренной Руси» — роман о выживании «маленького» человека в революционной разрухе, который назовет, соответственно личному пониманию масштаба исторического контекста — «Вьюга».³⁰ Когда в 1936 году книга стала объектом анализа литературных критиков, в рецензии Вл. Ходасевича прозвучали рассуждения о свойствах ученичества, подражательства и преемственности. Литературными учителями Лукаша, оказавшими влияние на повествовательный строй его прозы, были названы Достоевский и Лесков.³¹ Однако критик, увлеченный литературными аналогиями прошлого века, не рассмотрел возможность другой модели ученичества, в основе

²⁷ Вполне вероятно, возвращение Лукаша в лоно «Слова» объяснялось отказом парижской редакции, уже напечатавшей отзыв Н. К. Кульмана.

²⁸ *Зеленый* [Макогон Н. Е.?). Внезапности. Опыт моментальной фотографии без натуры // *Веретёныш*. 1922. № 3. С. 15.

²⁹ *Лукаш И.* Сны Петра: Трилогия в рассказах. Белград, 1931. С. 3.

³⁰ *Лукаш И.* Вьюга. Париж, 1936.

³¹ Опул.: *Возрождение*. 1936. 18 июня. № 4032.

которой не подражание и влияние, а противоречие и дискуссия. История написания критической статьи «Мышиная Россия», конгруэнтные связи романов «Взвихренная Русь» и «Вьюга», а также переосмысление темы снов в творчестве Лукаша подсказывают имя более близкого ему учителя и старшего литературного современника.

В истории же личных отношений Алексея Ремизова и его «исторического» читателя Ивана Лукаша после публикации в «Слове», по всей вероятности, наступила пауза. Однако переживаемый в Париже кризис, связанный, как мы предполагаем, с профессиональными проблемами, подвиг младшего писателя возобновить общение. Осенью 1928 года он, отвечая на книжную посылку Ремизова, с редкой доверительностью, подтверждающей нашу гипотезу о роли автора «Взвихренной Руси» в биографии Лукаша, писал:

«Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Искренне и горячо благодарю Вас за книги, которые с таким трогательным вниманием присылаете Вы, и „Иоанна Лествичника“³² — моего святого, и „Образы царства“.

И то, и другое дало мне ясного глубокого утешения, и я прошу Вас передать мою благодарность и о. Цебрикову и кн. Шаховскому,³³ от которого я получил Лествицу.

Вашу милую, своеобразную руку, даже рисунки нахожу я на присланных книгах. Сердечно благодарю и за них.

Как будто около меня, в тишине и безвестности <sic!>, но близко, ходят неслышные друзья и помогают моему человеческому одиночеству в парижской нашей темнице. Не знаю, чем заслужил я такое внимание ко мне и такое доверие.

Простите меня, если чем-либо и когда-либо огорчил Вас — словами ли моими, писательскими ли работами, или просто моим человеческим образом. Простите, что во власти душевных движений дурно видел свет, Бога и человека, и судьбу моего отечества, увлекался бессильными злобами, ходил за мертвыми надеждами.

Во все прежнее во мне — не верю, все эмоции мои прежние угасли. Одного прошу у своей совести — смирения перед отечеством и перед тем, что свершается там, и духовной свободы.

Я хожу во вне, как ходил, а внутри я иной и один. И безмолвия своего не нарушу, и одиночества не променяю. Сердечное Вам спасибо за внимание. Мой Шурка вместе со мной.³⁴ Сердечно приветствую Вас и Серафиму Павловну.

С глубоким уважением,
Иван Лукаш».³⁵

Ниже публикуется библиографическая редкость — критическая статья И. Лукаша, текст которой впервые воспроизводится в полном объеме по печатному источнику:

³² Византийский философ, богослов, игумен Синайского монастыря, Иоанн (525–595 (605) или 579–649), прозванный Лествичником по названию его духовных наставлений, озаглавленных «Лествица».

³³ Георгий Владимирович Цебриков (1896/1900–1966) — активист брюссельской Академической группы; участник литературного клуба «Единорог» (1924–1925); священнослужитель православной (рукоположен в сан дьякона 15 декабря 1925 года) и впоследствии католической церкви; прозаик, переводчик; жил в Бельгии. Дмитрий Алексеевич Шаховской, князь (архиепископ Иоанн, литературный псевдоним Странник; 1902–1989) — писатель, поэт; проповедник, епископ Православной церкви в Америке. В эмиграции с 1921 года. В 1924–1925 — участник брюссельского литературного клуба «Единорог» (1924–1925); с 1924-го — член бельгийского Пен-Клуба; редактор журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926); 23 августа 1926 года на Афоне принял постриг в первый иноческий чин; по возвращении из Греции 1 ноября поступил в парижскую Духовную академию (Свято-Сергиевский православный богословский институт).

³⁴ Повторяющееся в письмах к Ремизову имя, возможно, принадлежало вымышленному персонажу внутреннего мира Лукаша, который, также по нашим предположениям, мог по образу совпадать с одноименным маленьким героем ремизовского рассказа «Китаец» (1916).

³⁵ Amherst. Series 1. Box 5. Folder 2. Недатированное письмо сохранилось в альбоме Ремизова с корреспонденцией мая–ноября 1928 года, среди эпистолярия, полученного в октябре.

Слово (Рига). 1927. 10 сент. № 619. С. 3. Дореволюционная орфография и пунктуация газетной публикации приведены в соответствие с современными правилами, за исключением устаревшего либо авторского написания слов и имен (чорт, чортушка, Нитцше, разможженный); без дополнительных конъектур исправлены некоторые ошибки типографского набора, а также опечатки в цитатах; в отдельных случаях прямого цитирования восстановлены кавычки. В качестве факультативных дополнений к обширному историко-литературному комментарию, представленному в научном издании,³⁶ примечания к тексту статьи Лукаша раскрывают символические подтексты цитат из романа «Взвихренная Русь», не принятые во внимание критиком.

Публикатор сердечно благодарит профессора Карлова университета в Праге Миру Набелкову (Mira Nábělková) за предоставление сканированной копии полного текста статьи И. С. Лукаша с экземпляра газеты «Слово» из фондов Национальной библиотеки Чешской республики — единственной из известных государственных коллекций русскоязычной эмигрантской печати, располагающей полным комплектом этого труднодоступного периодического издания.³⁷

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИВАН ЛУКАШ. МЫШИНАЯ РОССИЯ. О КНИГЕ А. М. РЕМИЗОВА «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ»

В Париже недавно вышла в свет замечательная и во всем особливая книга. Это — «Взвихренная Русь» А. Ремизова. (Отрывки из нее печатались в свое время в «Перезвонах»¹).

И по заданию, и по объему — 534 стр., — книгу Ремизова надобно признать самой значительной среди книг большой литературы.

Русь от февраля 1917 г. до октября,² и в октябре — полет России в пустоту... Громадную эпопею, отображение тоски смертной и запеклого страха, потрясение небес и земли, разрушение тайны жизни и тайны смерти, когда свалилась Россия, как груды мерзлых дров, в груды трупов — вот, думал я, — все сжала крепкая рука мастера, и вот книга его, как дымное солнце в капле вод...

И перечитывал я книгу А. М. Ремизова, и думал над нею. И должен сказать: — нет, это не так.

Именно взвихренной Руси — вовсе нет в этой особливой, во всем своеобразной книге, «ремизовской» до последнего типографского знака.

Вся его книга — в его же словах:

«Так от Распутина, от Царского и измены, от 14 февраля ко „всеобщему восстанию“, от колбасы до торта ивановского и доелись. Тут подали самовар»...

Нет, не тяжкий вихорь, не метание ветра, не гроза грозная, а какой-то тепленький ветерок из щели, сквознячок легкий, даже чуть припахивающий гнильцой, — этакая смесь восстаний и колбасы, тортов и шаманских завываний, нелепых снов — абракадабры, как называет их сам Ремизов («мне еще снились сны — я над моей абракадаброй»),³ слов простых, человеческих, трогательных до дуновения слез («Белое сердце») и долгой, с завитушками, с усмешками, выписанной повести о том, как с чердаков дома на Васильевском Острове, по весне, двинулись по лестницам вниз отмерзлые, под первым теплым ветром, потоки нечистот человеческих.⁴

Таким вот теплым ветром с гнильцой и пахнет вся эта ремизовская книга о России. И еще подобна она мутной фотографии: знаете, как бывает снимок ясный, — все точно и твердо, — вдруг все начинает дрожать, сливаться, путаться, — хари, руки,

³⁶ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5.

³⁷ См.: http://www.emigrantica.ru/item/slovo-riga-1925-1929?category_id=86; дата обращения: 29.07.2021.

усы; животы, ножки столов, фонари, — все лезет друг на друга, все мешается в одно туманное пятно.

Туманное пятно — книга Ремизова.

Ремизов, самый «хитрый» из русских писателей, он сам говорит о себе, что у него «острая лисья шапка» и что идет он, как шаман, «под вой и бой бубна».⁵

Это хитрец литературы российской, этот махонький, затаенный человек с калмыцким лицом, с пресловутой игрой в «обезьянью палату», с обезьяньим царем Асыкой,⁶ с корорыгами, расщепыгами, ведьмаками, паучихами на веревочке⁷ — сколько «представляется» в своей книге о России. Мечется туда-сюда:⁸ в «абракадабру», в довольно наигранные, в русском «стиле» о России,⁹ которую нет-нет, а сам же и мазнет облезлым асыкиным хвостом,¹⁰ в этакие прищипленные полупризнания, о чем-то, в сны, с гвоздями и молниями, в стиле Нитцше, которые кончаются поломанной «лягушачьей лапкой»,¹¹ — мечется, представляется, фыркает со всех страниц чортовой пылью.

Но все взметенное, весь вихрь русский, на проверку <sic!>, — только тепленький ветер, а гром Божий над Русью только мышинный визг из щели. Он и эпитафии такие главам дает: «вошли мы в щель четвертую»...¹²

Именно бури, именно вихря, именно колыхания духа, горения крови пролитой и проливаемой, тайны крови открытой, тайны убийства живых — удушения России — удушья. «А Бог есть дух и дышит где хочет»¹³ — именно удушения Бога-Духа, России, — нет в книге Ремизова.

Голод и «где бы крупок достать»,¹⁴ голодные смерти в 1919-ый «вошьгод»,¹⁵ потоки нечистот по теплому ветру и снова — «где бы крупок»... Мышиная Россия.

Мышиная Россия — вот музыка ремизовского «взвихрения»; мышиная, ремизовская Русь.

Только для «февральской революции» набираются у Ремизова такие торжественные слова, такие слова, что им даже не веришь:

«Петербург горел, горели черные гнезда: суд, война и неволя. Земля шаталась».

Полноте, Алексей Михайлович, — мы еще живы и помним февраль: и Петербург вовсе уже не так торжественно горел, и земля, право, не шаталась.¹⁶

А было, действительно, то, что вы сами же верно рассказываете через одну страницу:

«Одного городского везли на санках — на таких санках кладь возят — лежал он ничком, перевязанный, и разможженная его нога болталась в крови. Два солдата сидели по бокам и один из них сломанным прикладом долбил его по шее».

И потом, если «горели черные гнезда неволи» (так гимназисты в 1905 году «выражались»), то зачем же все эти «заплачки» о гибели Руси:

«Брат мой, — несчастен час — твоя Россия погибла». И вот этакая «ве-е-ечная па-а-а-мять» по Руси, в разрядку,¹⁷ и заявление, по сему поводу, о раскаленной душе вот таким столбцом:

Рас-
ка-
лена
душа.¹⁸

А на самом деле не думает ли настоящий, затаенный Ремизов о Руси то, что он сам говорит о ней ниже:

«Ты весь Китеж изводи сетями — пусто озеро, ничего не найдешь»...

И вместо вечной памяти в разрядку — сам же пускается в дичь и чушь, тут же, тоже в разрядку, объявляя:

«Я хочу этой жизни про-ку-ку-ре-кать пету-х-о-м»...¹⁹

Ну, и отлично, петухом, так петухом, у каждого свой голос, — но причем тут «взвихрь» России? И стыдно за что-то и горько: не за Россию ли?

Ремизов — самый странный из странных, причудливейший из причудливых...

Путается в кривых и растопытах, юлит, хитрит, бьет Асыкиным облезлым хвостом. Этот кунсткамерный человек российской литературы²⁰ — дуэт чортовой

пылью, — скажет вдруг простое и горячее слово, что напеклось на самой душе, — и пошел снова вертеть колесом чортов хвост...

И почему таким поставила его судьба среди живых? Я думаю, что искусная хитрость словес — его великое страдание и его стиль. Ведь так, как он, никому не написать. Ремизов — странный метеор среди всех писателей русских когда-либо бывших, он — особняк во всем: прямо сказать — единственный.

Кто он Ремизов, в островерхой лисьей шапке, — затаенная мышь с крупками, чортушка, наказанный от Бога земным путем, кликуша наш болезный и милый, окликанный Устюжиной и Звенигородом,²¹ а то калмыцкий шаман?

Все есть в нем, Асыке — царе обезьяньем. И все это есть в его редкой и странной книге.

И чем больше думаешь о ней, тем странно-милее, тем теплее становится она: все мы — с гнильцой, все мы — по крупам-то не прочь. Мы-то разве — герои? и когда жили мы там, в вошьгод, чтобы жить, думали и мы о том, что вот «вода из крана не идет», что «нечистоты на лестнице обмерзли»...

Мышиные души, мышинная Россия, жалкая, тепленькая, дрожащая, со слепыми детенышами в шерстке — вот «взвихренная Русь» Ремизова, — гнилой ветер над страной теплокровных.

Мышиную Россию, а над нею ветер гнилой, — вот какую правду тяжкую открывает нам Ремизов во всей этой взвихренной Руси.

Хитрейший хитрец, и в какую абракадабру запутал он свою страшную истину. Десятки страниц посвящены у него нелепице слов о литературных друзьях.²² Много снов выдуманных, но таких вещных (а не вещей) прямо со страниц идут, не оторваться:

«И вижу в зеркале. И. А. Рязановский в пожарной каске, верхом с портфелем, едет на Выборгскую сторону в „Кресты“».

«А. Р. Кугель лезет бородой в мешок, из которого торчат селедочные головки».

«У А. А. Архангельского сбоку три ноздри выросло» и т. д.

Манера эта выдумана не Ремизовым: еще в 20-х годах девятнадцатого славного века написан (и, конечно, забыт) замечательный литературный «Парнасский Адрес-Календарь», редактором «Сына Отечества» Воейковым.²³

У Воейкова один из персонажей «то ковыки созерцает, то обнюхивает пыль», другой — обер-банщик торговых гиппокреных бань, имеет через плечо веник на лыке, на шее носит шиш на пестрой тесьме, а в петлице раскольничью бороду на голубой ленте» и т. д.²⁴

От «Парнасского Адрес-Календаря» Воейкова и «три ноздри» и прочие «шиши» теперешних «сновидений» Ремизова.

В одном из его снов: «открытый алтарь, около Царских врат священник предсказывает, волоса у него все в шпильках для завивки. Священник посмотрел на меня и вижу, что недоволен:

„Посмотрите“, сказал он, „сколько внешней скорби, а на самом деле индеец“...

Вот мы и не знаем, кто Ремизов — «настоящий» или «индеец».²⁵ И не внешняя ли скорбь — вся его «заплачка» о Руси, вся его «взвихренная Русь»?

Жалость берет и тревога, такая жалость берет, когда читаешь книгу Ремизова: во все тайные двери стучится, у всех порогов шарит, и вдруг — шмыг в щель, в абракадабру, в теплый ветер с гнильцой, в мышинные крупки; в мышиную свою музыку...

И вдруг — заканчивается вся его книга о гнилом русском ветре мощными канонами...²⁶

И вдруг, в конце книги, — крутой поворот от коммуны к Великому Петру и замечательный по силе слова рассказ о том, как при государе Петре строили мост через Мою-Реку. И вдруг словословие комиссарам Петровым, выписанное в столбец — как на советском декрете, — и целая вдруг глава о «Бронштейновой ведомости», о «полатном мастере» Браунштейне, который может все.²⁷

Так, под всей пылью и под всей раскачкой русского вихря, — учуял Ремизов ветер, гнилой, визг мышинный, — а за тем гнилым ветром — воздух железной России и железных российских людей, которые могут все.

В этом, по-моему, и заключается внутренний образ новой и замечательной книги Ремизова, редкого писателя-метеора, чортушки литературы российской, Асыки-обезьяньего царя, окликанного и жалостного полужуродивого, — кого, едва поймешь, любишь так странно и так горько со всей его «абракадаброй», паучьими шорохами-воорохами и прочей — по слову Достоевского, — нечистью банной...²⁸

¹ Речь идет о публикации двух глав из романа «Взвихренная Русь», состоявшейся в рижском журнале «Перезвоны» (1925–1929; ред.-изд. С. А. Белоцветов): Ремизов А. 1) Рожь: Из книги «Взвихренная Русь» (1919–1920) // Перезвоны. 1925. № 3. С. 64–65; 2) Неугасимые огни: Из книги «Взвихренная Русь» // Там же. 1926. № 20. С. 628–631.

² Границы времени действия в романе-эпопее «Взвихренная Русь» соответствуют Дневнику писателя, который был начат 27 февраля — с описания событий начала Февральской революции (23 февраля), и завершен в августе 1921 года (см.: Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 г. / Подг. текста и комм. А. М. Грачевой // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 385). Первоначальное название «Временник», под которым состоялись публикации отдельных глав романа в 1917 году в петроградской и московской печати, а затем, в 1922-м, в эмигрантском Берлине («Эпопея»), подчеркивало летописную функцию повествования, ориентированного на памятник древнерусской литературы XVII века — «Временник» дьяка Ивана Тимофеева. Хронотоп повествования в романе разворачивается по двум пространственно-временным осям. Подробнее см.: *Sinany-MacLeod H.* Структурная композиция «Взвихренной Руси» // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 237–244 (UCLA Slavic Studies. Vol. 16).

³ Точная цитата из рассказа «Труддезертир» (глава «На даровых хлебах»). Подразумевается литературная обработка личных сновидений, которые начиная с 1908 года образовали в творческом наследии Ремизова специфический жанр, характеризующийся алогизмом и абсурдизмом. См. историю развития жанра, получившего итоговое завершение в книге «Маргын Задека: Сонник» (Париж, 1954): Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 586–610. Определение «абракадабра» в контексте ремизовских самооценок наделялось ироническим смысловым оттенком, указывающим на распространенное в эмиграции мнение о его «снотворчестве». Одна из резонансных в критике публикаций «снов» Ремизова с участием известных писателей, поэтов и художников состоялась на страницах редактируемой И. С. Лукашем газеты: Ремизов А. Мои сны: Литературные // Слово. 1925. 11 нояб. № 1. С. 3. Утверждая жанр «снов» как творческое преодоление границ реальности, писатель даже обратился к читателям с воззванием: «Послушай-те! Это вовсе не такая ерунда, как сразу вам покажется» (Звено. 1925. 26 окт. № 143. С. 3). Подробнее о позиции писателя, продолжавшего традицию классиков русской литературы, см.: *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1. С. 161–168.

⁴ Подразумевается рассказ «Труддезертир», история первой публикации которого в парижском журнале «Современные записки» (1925. Кн. 26. С. 161–183) для Ремизова была связана с редакционным изъятием фрагмента, содержащего натуралистическое описание бытового процесса — «величайшей кучи», обнаруженной на шестом этаже лестничной площадки. Рассказ повествует о реалиях петроградской жизни в 1919–1920 годах, когда писатель жил на 14 линии Васильевского острова в доме 31. Ср. упоминание о визите редактора журнала в письме Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло: «Был днем Вишняк о „Дезертире“: смягчить какие-то места» (цит. по: Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 93). Автограф с вычеркнутым красным карандашом фрагментом (со слов: «Охотники залезали на самый верх...» до слов «...чуть легкая пенка») сохранен Ремизовым в альбоме «Зарубежная цензура» (Amherst. Series 2. Box 16. Folder 29). В издании романа «Взвихренная Русь» (Париж, 1927) фрагмент полностью восстановлен.

⁵ Ср. очерк «К Звездам — памяти А. А. Блока»: «Где-то однажды, а может, не раз мы встречались — на каком перепутье? — вы закованный в латы с крестом, я в моей лисьей острой шапке под вой и бой бубна...» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 385).

⁶ Подробнее о литературном фантоме см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: история Обезьяньей Великой и Вольной Палаты А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001). Возможно, называя игру «пресловутой», Лукаш как сотрудник русских периодических изданий в Риге подразумевал критические отклики на ремизовские «обезьяньи» тексты, появившиеся в русскоязычной местной прессе, в частности на статьи его соредатора в газете «Слово» Н. Г. Бережанского. Подробнее см.: *Строге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ. С. 49–61.

⁷ Подразумевается ремизовская коллекция природных артефактов и народных игрушек, ассоциированных с мифологическим bestiарием западно- и восточнославянской мифологии, которые были навязаны на веревку, протянутую по стене его кабинета. Этот экзотический элемент интерьера оставался неизменным в доме писателя с 1910 года, тогда же она впервые

привлекла внимание журналистов и литературных критиков. Подробнее см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион. С. 618–619 (комм.). Об обстановке петербургской квартиры на Васильевском острове см.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 24–25; описание последней квартиры на Троицкой см.: *Милашевский В. А.* Вчера, позавчера... М., 1989. С. 156–157. Ср. описание коллекции в берлинской квартире писателя: «В окно с воли вечером при электричестве моя комната — волшебное царство. Паук — паук прямо над моим столом пустил во все углы нить, и по нитям тянутся к нему жертвы — маленькие игрушечные звери: львы, носороги, волки, зебры, лошади, коровы, козы, козлы, олени, свиньи, лисицы, лягушки, зайцы, петухи, сухие цветы, листья, сучки, корешки, звезды, и племянник унтергрудника <...>, и вот сам гешпенст, — эти жертвы пауковы...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11. Зга. С. 484). В настоящем фрагменте имени мифологических существ восходят к миниатюрам Ремизова, принятым И. С. Лукашем к публикации в газете «Слово» под названием «Образы России: крылатые, рогатые, хвостатые» (1926. 28 мая. № 158. С. 2).

⁸ Оценка структурно-композиционных особенностей романа, характеризующихся contaminaciónей разнообразных жанров. Ср. наблюдения другого критика романа, который отмечал, что Ремизов «не считается с привычными определениями жанров: в „Взвихренной Руси“ — краткие заметки перемежаются с рассказами; большие повести вставлены между двумя снами — и лирические монологи чередуются с сухими записями дневника. Этот прием, создавая впечатление непосредственности, обуславливает „интимный тон“ книги» (цит. по: *Мочульский К.* Кризис воображения: Статьи, Эссе. Портреты / Сост., предисловие, прим. С. Р. Федякина. Томск, 1999. С. 283).

⁹ Речь идет о поэме «Слово о погибели Русской земли», инкорпорированной в главу «Москва» без названия (со слов: «Широка раздольная Русь, родина моя...»; впервые: Россия в слове. Литературное приложение к газете «Воля вольная» («Воля страны»). 1917. 28 нояб. № 1. С. [2]; под заголовком «Слово о погибели земли русской»). По стилю и содержанию поэма восходит к памятнику древнерусской литературы XIII века, известному по спискам XV–XVI веков (подробнее см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000 (Studiorum Slavico-rum Monumenta. Т. 19)). Появление ремизовской поэмы в 1918 году вызвало резонансную дискуссию об отношении к революционным событиям в России и идеологической позиции писателя. Подробнее см.: *Иезутова Л. А.* «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля Народа» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. С. 67–80; *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов: «Битва под Разумником» (К вопросу об авторстве и историческом контексте одного памфлета) // Русская литература. 2013. № 3. С. 188–203. Художественные достоинства поэмы были высоко оценены писателями, выразившими мнение либеральной интеллигенции (среди них Федор Сологуб, Ан. Чеботаревская, Е. И. Замятин и др.). Ср. также оценку способствовавшего появлению поэмы в печати М. М. Пришвина, который считал это произведение «художественным памятником русского патриотизма», равнозначным «Слову о полку Игореве» и «Истории государства Российского» Карамзина (*Пришвин М. М.* Дневник 1920–1922 / Подг. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2016. С. 195).

¹⁰ Подразумевается корпус художественных текстов, созданных в мифологическом локусе «Обезьяней Великой и Вольной Палаты» (глава «Обезвельволпал»), в котором объединены как сюжеты реальной жизни, связанные с мифической деятельностью Палаты, так и основные «законодательные» документы тайного общества, в котором писатель отвел себе роль «канцеляриста». Ср. концовку «Манифеста» царя Асыки: «...дан в дремучем лесу на левой тропе у сороковца и помазан собственноручно; скрепил и деньги серебряной бумагой получил бывш. канцелярист обезвельволпала cancellarius —» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 208).

¹¹ Речь идет о символике автобиографической поэмы (глава «Москва», часть XVIII), начинающейся со слов: «— — распростертый крестом, брошен лежал я на великом поле...» (впервые под названием «Огневица»: Дело народа. 1917. 22 окт. № 187. С. 5 (литературное приложение «Литература и революция»; № 10); 24 дек. № 241. С. 3–4). Ср.: «И вот я на земле — — // Я лежу на земле, обтянутый сырой перепонкой, и не разбитое крыло, прячу я за спиной мою переломанную лягушину лапку» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 169). О символической семантике поэмы см.: *Обатнина Е. Р.* «Крылатый» или «земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 484–495 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 75); о нищанских мотивах поэмы см. также: *Обатнина Е.* Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 52–57 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 71).

¹² Эпиграф к рассказу «Четвертый круг» не прояснен. Его символические формы (круг и щель), вероятнее всего, восходят к архитектонике Ада, представленной Данте в виде многоярусной каменной воронки. Однако в известных переводах «Божественной комедии», к которым мог обращаться Ремизов, использовалось слово «круг» (или «русло»), а также «ямы»

(«рвы») для описания восьмого круга. Словоупотребление «злые щели» стало каноническим в русской стихотворной традиции только благодаря переводу М. Л. Лозинского (1939). Тема загробного мира в рассказе распространена на мир реальный, воспринимаемый как «мертвый каменный мешок». Это определение является ремизовским инвариантом дантовых «злых щелей» и «каменных воронок».

¹³ Контаминация цитат из Евангелия от Иоанна: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4: 24); «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3: 8).

¹⁴ Мотив добывания круп, связанный с реалиями бытовой жизни в Петрограде 1917–1919 годов, в частности, проходит сквозь повествование рассказа «Хлеба». Ср.: «Хлеба не было да и круп оставалось всего на донышке. Хоть бы круп достать!» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 32). Уменьшительная словоформа множественного числа («крупок» — вместо круп) принадлежит Лукашу, который намеренно погасил внутренний пафос ремизовского описания, подчеркивая обывательский характер личного опыта писателя в революционные годы. Между тем проблема выживания проникла даже в шуточные документы Обезвлолпала, идея которого во многом состояла в манифестации товарищеской взаимопомощи, не разделяющей быт и духовную сферу жизни. Голодной весной 1917 года доктор и журналист В. Н. Унковский был удостоен «обезьяньего знака первой степени с крупинкою ячневою» — «за крупы всякие, за книги из-под развалин извлеченные, за память в трудные дни» (цит. по: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные*. С. 131).

¹⁵ Ср.: «Самый из смертельных годов — вошьгод — 1919-ый!..» (рассказ «Именины», глава «Окнища»; Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 259).

¹⁶ Интерпретация, искажающая содержание рассказа «Суд непосужаемый», который был создан по дневниковым записям и отражал исполненное тревогой и самыми мрачными предчувствиями отношение писателя к событиям. Ср. заключительные слова рассказа: «И всю ночь я слушал. Будто летел — с волною в грозу» (Там же. С. 37). Ср. также дневниковую запись писателя: «Ответственность, которую взял на себя народ, и на мне легла она тысячепудовая. Что будет дальше, сумеют ли устроиться, не напутали бы чего, не схулиганили бы, — столько дум, столько тревог за Россию. <...> И весь вечер, все часы, все минуты одна дума: о России, сумеет ли устроиться? Ведь, народ темен. Бродят. Куда добредут?» (Там же. С. 423–424, 426).

¹⁷ Описание особенностей типографской наборки концовки поэмы «Слово о погибели Русской земли» (глава «Москва»), которое имитирует заключительный возглас церковного отпевания. Ср. впечатление другого «исторического» читателя «Взвхренной Руси» — редактора журнала «Современные записки» В. В. Руднева, который в личном письме Ремизову отметил, подражая заключительные слова поэмы: «Особенно меня потрясла „Вечная Память“ <...>. До чего всё это идет от души к душе, — и как адекватно нашей русской трагедии!» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10).

¹⁸ Финал второй части из поэмы «Красный звон» (глава «Весна-Красна»).

¹⁹ Подразумевается набранная разрядкой концовка рассказа «Отпуск». Ср.: «— я наперекор взвиwu теснящихся вещей, с которыми срочен, как утробный, продираясь сквозь живую, бьющуюся живым сердцем толчею жизни, я хочу этой же самой жизни, через все ее тысячекратные громы под хлест и удары в отдар — про к у к у р е к а т ь п е т у х о м» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 76; глава «Медовый месяц»). Смысл этого пассажа в структуре романа латентно связан с рассказом-сном «Асыка». Ср.: «И в замеревшей тишине, дерзко глядя на страшного всадника, перед лицом ненужной, ненавистой, непрощенной смерти, я, предводитель обезьян Австралии, Африки и Южной Америки, прокричал гордому всаднику и ненавистой мне смерти трижды петухом» (Там же. С. 225), а также со строками «Слова о погибели Русской земли»: «Закукарекал бы, да головы нет: давно оттяпана!» (С. 143). См. раскрытие мифологической семантики образа в комментарии А. М. Грачевой к поэме: Там же. С. 410. О символической природе образа петуха, с которым Ремизов ассоциирует собственную миссию в годы революции, см.: *Доценко С. Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества*. Таллин, 2000. С. 113–114.

²⁰ Характеристика содержит аналогию с коллекцией «редкостей» — древних аномальных или курьезных артефактов как природного, так и рукотворного происхождения, начало которой было положено Петром I и предназначалось для первого российского музея в Санкт-Петербурге, получившего название Кунсткамера (от нем. кабинет редкостей). Учитывая двойственность отношения Лукаша к феномену Ремизова, который был склонен расценивать художественное мышление писателя как аномальное, определение «кунсткамерный человек» сближает предложенный критиком образ со знаменитой коллекцией «монстров» амстердамского анатома Ф. Рюйша, приобретенной Петром I для Санкт-Петербургской Кунсткамеры в 1716 году.

²¹ Аллюзия к названию сборника Ремизова «Звенигород Окликанный: Николины притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924), в состав которого также был включен рассказ «Прокопий Праведный» (1915), написанный по мотивам жития Проккопия Устюжского к катрине Н. Рериха «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится».

²² Подразумевается серия абсурдистских «снов» с участием известных литераторов, включенная в композицию романа. Материалы личного архива писателя и его жены С. П. Ремизовой-Довгелло подтверждают, что Ремизов действительно практиковал запись своих подлинных сновидений, в которых фигурировали его «литературные друзья», однако в ходе работы над романом имена действующих лиц нередко менялись по воле автора. См., в частности, описание работы над «снами» в романе «Взвихренная Русь»: А. М. Ремизов. «На вечерней заре»: Главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 57.

²³ Александр Федорович Воейков (1779–1839) — поэт, переводчик, журналист, в 1820–1822 годах стал редактором-издателем (совместно с Н. И. Гречем) известного исторического, литературного и общественно-политического журнала «Сын отечества» (1812–1857). В литературном окружении «Арзамасского общества безвестных людей» (1818–1820) особым успехом пользовались расхвалившиеся в списках дружеские пародии на арзамасцев и памфлеты на писателей из противоборствующих литературных кругов, а также чиновников, занимавших высокие государственные посты. Таким популярным стихотворным произведением стала сатира «Дом сумасшедших» (1814–1838), а прозаической пародией в форме официального справочника должностных лиц государственных учреждений Российского государства выступил «Парнасский Адрес-календарь» (1818–1820), в котором имена известных литераторов были помещены в комическую «Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах». Эти сочинения представляли собой колоритную иллюстрацию к атмосфере литературного быта круга «арзамасцев» и имели подтексты, связанные с актуальными эстетическими, этическими и общественными дискуссиями на страницах печати. Ремизовские абсурдистские сновидения, в которых его литературные современники были помещены в самые неправдоподобные сюжеты, лишь по внешнему принципу оксюморона напомнили И. С. Лукашу комические характеристики известных литераторов и государственных деятелей, представленных Воейковым в фантастических образах и комических положениях. Судя по приведенным критиком цитатам из Воейкова, весьма отдаленная литературная корреляция двух явлений русской литературы возникла благодаря изданию, вернувшему сатиры известного литературного деятеля «пушкинской поры» не только в историю русской литературы, но и на полки читателей начала XX века: *Воейков А. Ф. Дом сумасшедших*. С приложением «Парнасского Адрес-Календаря» А. Ф. Воейкова и «Дома сумасшедших в Москве» гр. Е. П. Ростопчиной / Вступ. статья и историко-литературный комм. И. Розанова и Н. Сидорова. М., [1911]. См. также другую редакцию текстов, получивших распространение в многочисленных списках: *Воейков А. Ф. Поздняя рукопись «Сумасшедший дом» (1814–1838)* / Публ. А. К. Афанасьева // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. [Т. XVI]. С. 681–702.

²⁴ С искажениями и опечатками цитируются фрагменты из сатиры «Дом сумасшедших» и «Парнасского Адрес-календаря», характеризующие славянофилов, адептов классицизма — Михаила Трофимовича Каченовского (1775–1842) и Александра Семеновича Шишкова (1754–1841). См.: *Воейков А. Ф. Дом сумасшедших*. С. 16, 71, 73.

²⁵ Прочитированный «сон» из главы «Москва» восходит к записи сновидения от 3 июля 1917 года, сохранившейся в дневнике Ремизова. Ср.: «Около церкви открытый алтарь. Там священник около царских врат предсказывает, у него волосы в шпильках для завивки. Перед ним женщина. Он ей говорит что-то. Сергей подошел первый. За ним я. Он посмотрел на меня и говорит: „посмотрите сколько видимой скорби и искания, а на самом деле на индейке женился“» (цит. по: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 5. С. 462).

²⁶ Канон — церковное песнопение в похвалу святого или праздника. Речь идет о заключительном «видении», со слов: «И вот — вижу — над южными дверями от Богородицы блеснули глаза, архангелы метнулись» до финальной фразы: «Неугасимые огни горят над Россией!» (Там же. С. 397–398).

²⁷ Серия рассказов, образующих главу «Петербург — Петрова память», в основу которых положены документальные материалы и исторические сюжеты петровского времени. Исторические реалии и имена главы в значительной степени раскрыты в исследовательской работе: *Вахненко Е. Е. «Взвихренная Русь» А. М. Ремизова: Справочник-комментарий*. Иркутск, 2012. Сходная тема петровского государственного строительства получила собственное художественное решение в сборнике И. Лукаша «Сны Петра: Трилогия в рассказах» (Белград, 1931). См. также: *Носов Н. Н. Отражение идейного многообразия творчества И. С. Лукаша в диалогии «Дом усопших» и «Дьявол»* // *Обсерватория культуры*. 2019. Т. 16. № 6. С. 652–665.

²⁸ Ср.: «...будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 30 т. М., 1973. Т. 6. Преступление и наказание. С. 221). Через аллюзию к онтологическим фантазиям Свидригайлова Лукаш ставит под сомнение мировоззрение Ремизова, в произведениях которого, в частности и во «Взвихренной Руси», встречается образ паука, однако критик не принимает во внимание

волшебной и жизнеутверждающей семантики, изменяющей парадигматику символических значений, сообщенных образу паука в произведениях Достоевского. Ср.: «Жили мы у Делион на Кирхштрассе. Только что начали обживать: подвесил я над столом паука, открыл „Обезьяню палату“ и за работу» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 538); «И гляжу в высоту: „Крылатый паук, зашей рану на моем сердце!“ И на зов мой спускается мохнатый холодный паук. И тьма еще темней и еще безысходней. А там — я чувю: колыхает рассвет!» (Там же. С. 229).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-223-230

© *Е. Н. Пенская*

«ТЕХНИКА ИСКУССТВЕННЫХ ШВОВ»: К ТИПОЛОГИИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК М. М. ЗОЩЕНКО*

Современное зощенковедение в последние пятнадцать–двадцать лет заметно набирает интенсивность. Этому способствует в том числе цифровизация архива М. М. Зощенко.¹ Однако электронный доступ к материалам не только открывает новые возможности комплексного изучения, поиска, сопоставления публицистических и художественных текстов, но и выявляет лакуны. Появление итоговых исследований,² проведение юбилейных мероприятий,³ выпуск собрания сочинений Зощенко,⁴ публикация архивных материалов⁵, тем не менее, подтверждают и дисбаланс в характере исследовательских обращений к архивам, и соотносению тех пластов, что так или иначе получили научную интерпретацию, и тех, что остались «за бортом». Такая научная неравномерность не в последнюю очередь объясняется разрозненностью архивов — крупные комплексы хранятся в Пушкинском Доме,⁶ в РГАЛИ. Отдельные группы документов находятся в ЦГАЛИ СПб, в фондах ГЛМ «XX век»,⁷ в частных собраниях. Существенным подспорьем в комментаторской и текстологической работе являются введенные в научный контекст эго-документы — фрагменты дневников Зощенко, его переписка; кроме этого, расшифрованные черновые варианты, стенограммы обсуждений его сочинений в издательствах, письма читателей с авторскими пометами дополняют исследовательский ландшафт. Тем не менее пока еще трудно говорить даже о подступах к полному освоению этих архивов. На общем фоне, пожалуй, наименее изученными представляются записные книжки Зощенко. Эпизодические усилия не меняют картины.⁸ Поэтому трудно не согласиться с тем, что «совершенно очевидна

* Работа выполнена при поддержке РФФ. Проект 19-18-00353, НИУ ВШЭ.

¹ На литературном портале «Автограф» представлена значительная часть архива М. М. Зощенко, хранящегося в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, см.: <http://zoshchenko.literature-archive.ru/ru> (дата обращения: 31.07.2021).

² Мих. Зощенко: pro et contra: Антология / Сост., вступ. статья, комм. И. Н. Сухих. 2-е изд., испр. СПб., 2015.

³ Альманах «XX век»: Сб. статей / Сост. Д. А. Суховой. СПб., 2015. Вып. 7. В данный выпуск вошли материалы Международной научной конференции «Феномен Зощенко в культуре XX–XXI веков», состоявшейся в Санкт-Петербурге 27–28 ноября 2014 года и приуроченной к 120-летию со дня рождения писателя. Здесь собраны новейшие исследования, касающиеся разных аспектов современного зощенковедения.

⁴ *Зощенко М. М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 2008.

⁵ Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография: Сб. статей / Отв. ред. В. П. Муромский, А. Д. Семкин. СПб., 2015.

⁶ *Запевалов В. Н.* Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии: В 3 кн. СПб., 1997. Кн. 1. С. 5–37.

⁷ См.: <http://museum-xxvek.ru/fondyi> (дата обращения: 31.07.2021).

⁸ *Зощенко М.* Из тетрадей и записных книжек // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский. М., 1994. С. 105–134; Из дневниковых записей М. М. Зощенко (1916–1921) /